

ВЕРОНА ВИЕРА

МОЙ РИМ

Первая любовь
с итальянским
акцентом

18+

LIKE
BOOK

Верона Виера
Мой Рим
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74018507
ISBN 978-5-04-248212-0

Аннотация

Любовный треугольник, первые чувства и страсти по-итальянски!

– А что, если я вижу только тебя?

– Значит, у тебя что-то со зрением!

Вероника учится в выпускном классе. Она мечтает выбраться из маленького городка России и перебраться в солнечную Италию. Всё идет по плану, пока из Москвы не возвращается Роман, в которого Вероника была влюблена с самого детства. Роман, Рома, Рим – она не может выкинуть его из головы.

Даже когда в ее жизни появляется Никита, тот самый сын маминой подруги. Он не умеет проигрывать и настроен очень серьезно.

Даже когда таинственный незнакомец Фабио предлагает осуществить мечту. Ведь он так хочет наконец увидеть свою подругу по переписке с сайта знакомств.

Вероника никогда не думала, что окажется в романтической комедии с любовным многоугольником. Но похоже, что у судьбы свои планы.

Что же Вероника все-таки выберет: мечту, любовь или себя?

Юмор, неловкие ситуации, нежные поцелуи, горячие прикосновения, первые настоящие чувства и любовный многоугольник.

Верона Виера – автор сентиментальной прозы, которая любит писать в жанре романтической комедии. Ее аудитория постепенно набирает обороты, а сетевые истории становятся хитами.

Для поклонников историй Эллин Ти, Елены Армас и Тессы Бейли.

Обложка от известного молодежного художника VIS.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Верона Виера

Мой Рим

Художественное оформление А. Андреева

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Berkahlineart, Tetiana Yurchenko, Fukuchi, Vensto,
KABITA RANI, Graphic Core Studio 786, CreativeT-Shirt
Designs, Minoti Rani / Shut-terstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com /
FOTODOM

Иллюстрации на переплете VIS

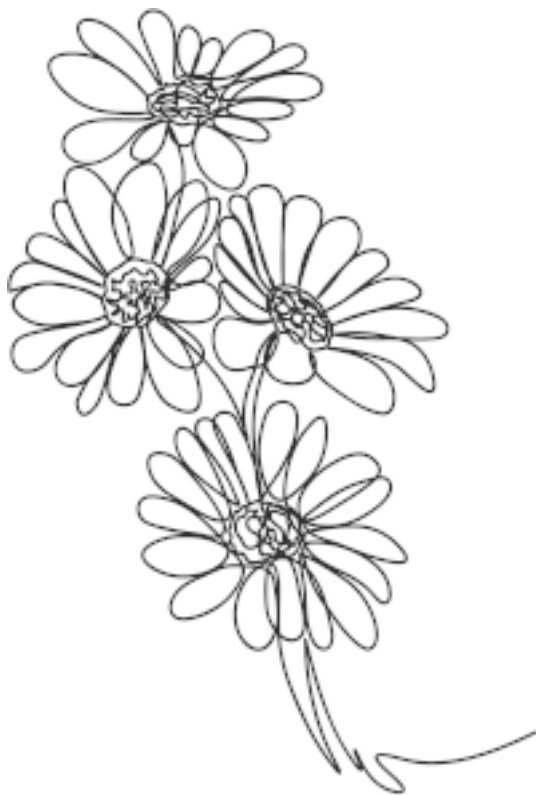
© Виера В., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Как мне не хватает солнца. Снаружи и внутри.
Весна в этом году совсем на себя не похожа. Куда ни по-

смотришь – везде серость: грязный залежавшийся снег, серые дома. И неважно, многоэтажка или барак, как у нас, – все одно.

И души. Скитаются, барахтаются между домом и работой. Сажу на подоконнике в наушниках и смотрю на остановку, что у дороги напротив дома. Пасмурное небо нагоняет тоску. Оборачиваюсь. Наши обои тоже выглядят тоскливо – отслаиваются в углу от сырости. И хотя они не такие скучные, как вид за окном, но все же надоели абстрактные пятна с узорами, будто трехлетка рисовал, пока взрослые не видят. Нужно было настоять на обычной покраске стен. Ну и что, что они неровные, зато можно сделать это в любой момент и в любой цвет, а не ждать каждый год лета, чтобы переклеить обои на новые.

Кому я вру? Новые. Они везде одинаковые, и не только в магазинах. Если зайти в любую квартиру нашего поселка на окраине города, то там в коридоре будут ромбы, в спальне круги, а на кухне – лимоны или кофейные чашки. Если и найдутся отличия, то только в оттенках. Совсем не Италия!

Вздыхаю и слушаю мелодичный женский голос в наушниках, опускаю взгляд на сестру. Она лежит на диване, обнимая подушку, и пялится в телефон. Потом кладет его рядом с собой и рычит от злости.

Боже, что может быть печальнее на свете, чем злая из-за сплетен Карина? Хихикаю.

– Sono Veronica. Sono Verona. E tu?¹

Повторяю вслух за голосом. Я учу итальянский. Однажды сбегу из этого города в Италию – туда, где солнце, море и счастливые лица. А не эти. Снова гляжу в окно на людей, а затем, спрыгнув с подоконника, поправляю сетчатый тюль и сажусь в кресло напротив дивана. Лицо Карины не лучше – унылая, она пилит грустным взглядом потолок. С самого утра сестра рыдает в подушку и материт профиль одной из местных девчонок. Карина старше меня всего на год, а ведет себя, как будто она здесь младшая.

Глупая!

Стала бы я переживать из-за такой ерунды? Из-за парня. Слишком много чести. Она по уши влюбилась в сына друзей наших родителей, а тот только из армии вернулся, и, конечно, ему льстит чрезмерное внимание девчонок с района. А на мою сестру не смотрит. Вернее, смотрит, но не так, как ей бы хотелось. Только по-дружески.

Ладно, есть один секрет – он сохнет по мне. Сам признался пару недель назад, на Восьмое марта. Но Никита совсем не в моем вкусе. Я так ему и сказала, прямо в лицо. Нет, он симпатичный, я не спорю: улыбка, ямочки и все такое. И даже рост, как я люблю. Но характер! Бр-р! Ненавижу нытиков. И мне кажется, сестра услышала тот наш разговор.

Ненормалистка!

Она пожаловалась маме, мол, отбиваю у нее парня, кото-

¹ Я Вероника. Я Верона. А вы? (*итал.*)

рый ей и не парень вовсе... по крайней мере, пока. И мама, идеал нравственности, устроила разбор моего «недостойного» поведения.

Боже, она столько мне всего наговорила! Я всю жизнь выстраиваю образ правильной и недоступной девушки, а ма считает меня распутной.

Если я в кого-то и влюблюсь, то только в итальянца.

Под мелодичный женский голос диктора я открываю приложение для знакомств и листаю ленту с молодыми иностранцами. Какие они все-таки стильные и солнечные. Не то что наши парни в поселке.

Иногда мне кажется, что я родилась здесь по ошибке. Когда выдавали билеты на рождение, кто-то взял мой да подменил. И вместо итальянской огромной и дружной семьи меня отправили в эту. Я даже внешне на них не похожа, разве только на папу, совсем чуть-чуть. А моя сестра – копия мамы: темненькая, смуглая, с карими глазами. А я наоборот: серо-зеленые глаза, светлая кожа и натуральный блонд. Я – ворона, я – ворона! Белая ворона.

Снимаю наушники.

Санта Клеопатра, опять эти всхлипы!

Не могу больше смотреть, как сестра страдает.

Я сажусь рядом:

– А ты знала, что твое имя Карина на итальянском значит красивая?

Не помогает.

Дурында отворачивается к стене и снова открывает страницу Никиты в социальной сети, разглядывает его заблюренное фото.

– Я про то, что ты красотка, и, если будешь тупить, а не возьмешь своего Никиту за рога, или что там у него еще выпирает, это сделает другая!

Хочу ее взбодрить и поэтому выхватываю телефон.

– Отдай, живо! – сестра ядовито зыркает на меня.

– Никита, любовь моя! – кривляюсь в экран и говорю ее наигранным писклявым голосом.

О! Это отдельный вид актерского мастерства. Мне стоит взять у нее пару уроков, перед тем как поступать после школы в театральный.

Дома Карина – фурия. Слово не скажи, она четвертует парой матов и низким, почти мужским тембром голоса. Но стоит ей оказаться рядом с Никитой – голос превращается в соловьиную трель: сю-сю-сю! Тошнит от этой ми-ми-мишности.

– Ладно, забирай своего мачо! – хихикаю и отдаю телефон. – Надоели твои розовые сопли.

Я подхожу к старому музыкальному центру, который стоит у окна, и, выбрав заезженный диск Линды, врубаю на всю катушку:

«Я Верона, я Верона, на-на-на-на!» – перекрикиваю певицу.

На лице сестры появляется улыбка:

– Вербона-ворона! – она смеется от моих паралитических подергиваний под музыку.

– Давай, вставай! – тяну ее за руку. – Надо встряхнуться! Пойдешь сегодня с нами на концерт?! По-любому Никитос там появится. Нарядись, накрасься и покажи этому дураку, что такой красотки, как ты, он больше не встретит!

Соседка снизу стучит по батарее.

– О-о-у! – я нажимаю на паузу. – Я забыла про тетю Любэ.

Скривившись, прикусываю большой палец и виновато смотрю на сестру. Я же обещала сегодня заскочить, взять деньги и съездить в дешевую аптеку на конечную остановку. Тетя Люба частенько страдает мигренью, а тут я со своей громкой музыкой. Как-то даже стыдно.

– А разве твоя детская влюбленность не приехала? Пусть сам по аптекам и бегает, – цыкает Карина.

Моя детская влюбленность – это она про соседа снизу, сына тети Любы. Он после школы уехал в Москву, к своей старшей сестре, учиться. Не видела его несколько лет, и еще не видеть бы столько же.

– Не знаю, Любэ мне ничего про него не говорила. Думаешь, он вернулся?

Я падаю на пол и ухом прижимаюсь к деревянным крашеным доскам – голоса не разобрать, булькают эхом. Сестра смеется с меня. Ну, хоть развеселила.

– И часто ты так подслушиваешь? – она встает с дивана и опускается рядом. – Ничего не слышно.

– Тише! – шепчу ей и, недовольно глянув, прислушиваюсь. – Ушли в другую комнату.

– Кто? – она тоже шепчет, округлив глаза.

– Голоса.

Ехидно улыбаюсь. В моей голове возникает коварный план – проверить, вспомнит ли он меня через столько лет?

Знаю, что я нравлюсь многим парням нашего поселка: одногодкам и постарше, таким как сосед. И это заводит! Люблю проверять теорию своей невероятности и ловить восхищенные взгляды, но мало кто из парней решается ко мне подкатить. Как говорит моя сестра: это потому, что у меня всегда такое лицо, что ко мне на обычном осле не подъедешь.

Просто я знаю себе цену.

Ладно! Начинаем эксперимент.

Я поднимаюсь и открываю шкаф: достаю кроп-топ с пуш-ап эффектом, снимаю с вешалки белую, почти прозрачную рубашку. Обтягивающие джинсы уже на мне. Стягиваю с себя домашнюю футболку и вешаю на спинку кресла, надеваю топ, сверху рубашку.

Моя грудь и так высока и упруга, но пуш-ап эффект... дай Бог здоровья тому, кто его придумал!

Сестра сидит на полу, облокотившись о диван, и смотрит снизу вверх, улыбается:

– Ты точно ведьма. Столько булок ешь, а на животе ни жиринки. – Карина фыркает и снова хватается свой телефон, разговаривая со мной между делом. – А если он все-таки прие-

хал? Что скажешь?

– Сделаю вид, что я к Любэ! Пришла помочь, как обычно. Смотрюсь в зеркало шкафа-купе.

Так. Не хватает глянца. Я нахожу в сумочке бледно-розовый блеск и касаюсь кисточкой губ, а после, поправив пальцем, им же наношу мазки на скулы. Сгибаюсь пополам и, взъерошив волосы, выпрямляюсь, после чего радуюсь объему волос. Готово!

– В таком виде ты пойдешь в магазин? – усмехается сестра. – На улице минус семь. Ау, ворона!

Она крутит пальцем у виска и снова залипает в телефон.

– Нет, конечно. Если что, я вернусь и оденусь во что-нибудь теплое.

Еще раз гляжусь в зеркало и растягиваю улыбку до ушей:

– Buongiorno! Sono Veronica. Molto piacere!²

Поражаясь моей уверенности в себе, Карина на мгновение закатывает глаза.

– Все, я пошла! – выхожу из комнаты. – Каблуки или кроссы? – кричу сестре из коридора.

– Валенки! – слышу ее усмешку в ответ.

* * *

Я спускаюсь на каблуках по неотесанным бетонным сту-

² Добрый день! Я Вероника. Очень приятно! (*разг. итал.*)

пенькам со второго на первый этаж. Лишь бы не навернуть-
ся. Сколько раз я падала с этой лестницы. Мои шрамы на
ногах свидетели тех кульбитов.

Сосед, кстати, тоже.

Первый раз в четвертый класс.

Не дошла.

Сползла со ступенек, распоролa гвоздем бедро, осыпав
Ромку лепестками гладиолусов и своим диким воплем. Он
ждал меня, чтобы вместе идти в школу. А пришлось дуть
мне на рану, пока тетя Любэ заливала ее зеленкой.

Это был последний год, когда мы были друзьями. Потом
Ромка стал засматриваться на девчонок своего возраста.

Растущая грудь решает многое!

А я страдала, что у меня прыщи вместо груди, и меняла
платья в день по несколько раз, чтобы ему понравиться. Но
Ромка все равно катал на качелях девчонку с соседнего двора
и смотрел влюбленными глазами.

На нее, не на меня! Не на ту, которой еще недавно дарил
цветы, милые открытки с котятами и носил в школу тяжелый
рюкзак. А я стояла в сторонке и тихо ненавидела соседа, что
предал меня и мои незрелые чувства.

Ненавижу!

Я поправляю свой топ – красивая грудь решает все.

Нажимаю на звонок. Тишина.

Натягиваю на лицо лучезарную улыбку и снова жму на
звонок. Слышно вошканье за дверью, затем она плавно от-

крывается.

– Бонджорно! – в своей привычной манере громко восклицаю, ожидая увидеть перед собой тетю Любу.

Мама миа!

Передо мной не она, а Ромка.

Романов Роман Николаевич собственной персоной.

Неожиданно сердце будто взрывается. Оно колотится, как сумасшедшее, и вместо бабочек в животе скачут бешеные антилопы, выбивая рогами из легких весь кислород.

«Раз ромашка, два ромашка, семь!» – вспоминаю нашу детскую шутку-считалку и смотрю на Ромку как на суперзвезду или своего кумира.

Он держится за ручку, щурится, изучая меня взглядом или пытаюсь вспомнить. У него взъерошенные темные волосы, на лбу испарина, а на голом торсе мелкие капли. Он дышит часто и вскидывает в немом вопросе бровь.

– А Любэ... То есть... тетя Люба... дома? – пересохшие от волнения губы с трудом разлепляются.

Не могу отвести взгляд от Ромкиного лица. Его глаза такие же синие, как и раньше. Как глубокий океан. Челка спадает на лоб, нос с маленькой горбинкой, под ним короткая щетина и на щеках тоже. Он вымахал раза в два. Возмужал.

После затяжного неловкого молчания Ромка наконец отвечает, постоянно выдыхая и оглядываясь, будто я оторвала его от чего-то очень важного:

– Мамы не будет пару недель, – он смотрит на меня вни-

мательно, ожидает еще вопросов.

Интересно, он меня узнал?

– Ясно. Я думала...

– Да, сейчас.

Он захлопывает перед носом дверь. Вот это поворот! Прислушиваюсь, ежась от подъездного сквозняка. Слышу чей-то женский голос, но не тети Любы.

Ромка открывает дверь и протягивает деньги.

Зачем? Не понимаю...

– Мама сказала отдать, – он сует мне в руку свернутые пятисотрублевые купюры и снова оглядывается. – У тебя всё?

Ромка нетерпеливо подергивает ногой и ждет, когда уйду.

Опускаю взгляд на трико и еле сдерживаю улыбку.

Понятно, от чего отвлекаю!

Мысленно стреляю в своих антилоп и, поправив волосы, с придыханием прошу сексуальным голосом:

– Можешь тогда больше не стучать по батарее? – натягиваю на лицо искусственную улыбку. – Бесит!

– А ты можешь больше не врубать так громко музыку и не орать, как кошка на весенней случке? Телевизор не слышно.

– Порнушку помешала смотреть? – наглею и с ухмылкой смотрю ему прямо в глаза.

Ромка фыркает и резко захлопывает перед носом дверь.

Опять? Это. Просто... Рычу и растерянным взглядом упираюсь в дерматиновую обивку с мелкими гвоздиками.

А если бы я не успела отскочить?

Вот придурок!

Денег я никогда не просила, но тетя Люба знает, что я коплю на билет в Италию. Спасибо ей, конечно, только чувствую себя неловко. Или это наглец сумел выбить меня из колеи?

Разворачиваюсь к лестнице, в уме переваривая произошедшее, и вялым шагом поднимаюсь домой.

Глава 2

Нужно срочно обсудить эту новость с лучшей подругой. Сестра в ожидании моего рассказа выходит из комнаты. Я молча снимаю каблуки и прохожу мимо нее за телефоном.

Сложив руки на груди, Карина упирается плечом в дверной косяк и ждет подробности:

– Ну?

Уже забыла про своего Никиту. Я же снимаю с зарядки телефон и интригующе молчу. Поганенько как-то на душе: будто съела ложку майонеза, который терпеть не могу.

– Приехал, – стараюсь отвечать равнодушно.

– И как? Симпатичный или прыщавый, как в детстве? Вес, рост?

Не помню, чтобы он был прыщавым. В моих воспоминаниях – он всегда красив. Находясь до сих пор под впечатлением, я открываю переписку с подругой.

– Рост? Рост... м-м... метр восемьдесят пять или выше, а дальше я не поняла – красивый или нет. Вроде ни-че-го, – протяжно выдыхаю, бессмысленно пялясь на страницу.

Ничего удивительного, что он вырос в такого красавчика. Если раньше к нему очереди стояли, то сейчас... Вон, не успел приехать, уже притащил к себе какую-то... не видела кого, но, наверное, она топ-модель. И такая, что Ромашка-бедняжка аж вспотел, ее убажая.

От осознания этого факта откуда-то из глубин прошлого всплывает гадкое чувство ревности, но я закапываю его обратно. Пусть хоть гаремом обзаведется – мне уже все равно!

– Блин, надо было с тобой пойти и глянуть на этот шедевр.

Перевожу взгляд на сестру – ее так и пружинит от любопытства, трясет от нетерпения.

– Да какой там шедевр! Самовлюбленный кретин, – отмахиваюсь от сестры. – И ты меня сбиваешь. Мне надо с Ленкой вечер обсудить. С нами пойдешь? Что ей Сашке сказать, сколько нас будет?

– Не знаю. Я пока не решила. А если Никита не придет?

– Не придет, с другим познакомишься.

Тоже мне, проблема...

– Мне нужен только мой Никита! – фыркнув на меня, Карина делает лицо страдающей Мадонны и выходит из ком-

наты, недовольно бубня себе что-то под нос.

Слышу, как на кухне щелкает чайник.

Так, Ленка... Пишу в мессенджер:

Верона: Aiuto, aiuto!³ Код красный!

Бести Ленка: Код красный? Месячные? Клуб отменяется?

Верона: Раз ромашка, два ромашка, семь!

Мучаю подругу ассоциациями.

Бести Ленка: Нужна прокладка с ромашковой пропиткой?

А-а-а! Она не догоняет!

Верона: Сосед приехал...

Бести Ленка: Которого ненавидим?

Верона: Он самый!

Ее молчание на три минуты сводит меня с ума.

Бести Ленка: Приходи! Сама не могу, полы домываю, иначе не отпустят.

Верона: Сейчас буду!

Тыкаю по буквам и блокирую экран.

Лишний раз не хочу выходить на улицу в холодрыгу, но

³ Помогите, помогите! (*итал.*)

все-таки придется – по телефону очень долго объяснять проблему. Еще дурацкий Т9 коверкает слова. Лена и так не улавливает мои мысли, а с автозаменой так вообще – Зомбиленд.

А голосовые... терпеть не могу эти разговоры по-купечески, когда словно блюдце держат телефон и наговаривают в динамик.

Смотрю на экран – осталось три часа. Мои родители тоже скоро вернуться с работы – пятница, поэтому в аккурат когда мне нужно уходить. Надеюсь, мама будет в хорошем настроении и с отцом не успеет поругаться по дороге, иначе она найдет мне занятие на вечер.

Задумавшись о Ромке, я переодеваюсь. Воображение рисует, как на его голом торсе сейчас скользят шаловливые руки, увы, не мои. И глаза в этот момент смотрят не на меня. Зажмуриваюсь на мгновение, чтобы стереть эти картинки, и снимаю рубашку, кроп-топ. Надеваю уютный свитер.

Карина на кухне заливает растворимый кофе кипятком:
– Ты куда? – заметив меня, она зависает с чайником над кружкой.

– Я к Ленке на пять сек, туда-обратно, – глядя на нее, просовываю руки в рукава пуховика и залезаю в зимние кроссы, шнурую. – Не могу... Еще немного, и меня порвет от возмущения.

Вспоминаю про деньги, что передал Ромка, и, сунув руку в задний карман джинсов, показываю сестре, а потом кладу их на полку у зеркала.

– Стой! Подожди! – командует Карина и ставит электро-чайник на стол. – Сгоняй за печенéгами, а то кроме дохлого «Сникерса» к чаю ничего не осталось.

– Как? Было же конфет полпакета?

– Нервничала, – она невинно пожимает плечами, – а когда я злюсь, сама знаешь.

Вот это аппетит!

– Ладно... Постараюсь не забыть, – я с недовольным лицом прячу деньги обратно в карман и выхожу в подъезд.

Не успеваю спуститься на несколько ступенек, как этажом ниже возникают шевеления. Машинально приседаю посреди пролета и подглядываю меж металлических прутьев за соседской дверью. Ромка выходит в подъезд с какой-то девчонкой, почти моделью. Шпала с грудью двадцать пятого размера. Ладно, про грудь я преувеличила, не успела рассмотреть. Но что-то же в ней должно было его зацепить – и это вряд ли мозги, потому что, судя по комплекции, они у нее такие же тощие. И она не отсюда. Я всех симпатичных девчонок нашего поселка знаю в лицо и даже поименно – мониторию, так сказать, конкуренток.

Противно причмокивая, эта парочка обменивается слюнями. Фу! Он ее сейчас сожрет.

Разворачивая девушку, Ромка поднимает взгляд в мою сторону.

Санта Клеопатра!

Машинально отклоняюсь назад, прикрываю рот рукой.

– Я тебе наберу, завтра-послезавтра. – Ромка говорит тихо, но эхо разносится по подъезду.

Ага, жди... наберет, как же...

Расходитесь! Мне идти надо, а ноги затекают.

Сижу, затаив дыхание. Через мгновение стук каблучков удаляется, и в подъезде наступает тишина, но ненадолго. Чирк зажигалки – и запах сигаретного дыма медленно подбирается к носу. Аккуратно подглядываю. Согнув колено, Ромка опирается одной ногой на ступеньку, рукой держится за перила и дует кольца в потолок.

Да блин!

Возвращаюсь в прежнее положение.

Что делать?

Идти домой или ждать, когда докурит?

Жду. Сижу на корточках, стараюсь не дышать, иначе чихну и все пропало – в носу свербит от едкого запаха.

«Их Вилль! Туду-Туду! Их Вилль!»

Черт, черт, черт, черт!

Вибрируя, песня «Рамштайн» в кармане куртки разрывает мой мобильный. Вынимаю. Ленка, зараза – она всегда не вовремя.

Это фиаско...

Слышу Ромкино громкое покашливание.

Нет, это провал...

Ладно, без паники. Если позориться, то до конца и с гордо поднятой головой. Главное, снова на него с лестницы не

свалиться.

Будто так и надо, я делаю вид, что была здесь давно и просто ждала звонка из Италии.

– Марко, бонджорно! – принимая вызов, громко восклицаю с итальянским акцентом.

Я поднимаюсь и неторопливо шагаю вниз. Поворачивая на его пролет, стараюсь на Ромку вообще не смотреть – только под ноги:

– Sì, sono a casa! E tu?⁴

Мило смеюсь, будто по ту сторону трубки Марко делает мне комплимент. Счастливая от этого, поднимаю на Ромку взгляд. Сосед хмурит широкие брови и делает вид, что понимает итальянский.

Попался!

Пусть знает, что я себя не на помойке нашла и мне звонят из самой Италии. Медленно спускаясь, я пристально смотрю Ромке в глаза и широко улыбаюсь мнимому собеседнику. Ромашка без капли стеснения выдерживает мое внимание. Да так, что от волнения мой словарный запас итальянского внезапно заканчивается.

Вот как отрезает, ничего не помню.

Приходится мгновенно менять тактику, импровизировать. Только бы не споткнуться.

Не при нем!

И не на него!

⁴ Да, я дома! А ты? (*итал.*)

До Ромки остается пара ступенек, и я начинаю нести какую-то ерунду на псевдоитальянском, эмоционально жестикулируя. Я же будущая итальянка, а они только так и разговаривают:

– Prosciutto, gelato, emozioni!⁵ Benvenuto colobaranti al mare!⁶

Хрюкнув, Ромка тушит окурок о внутреннюю сторону перил и, пропуская меня, бросает сканирующий взгляд, а я, покашливая, вхожу в облако дыма.

Высокомерно сверлю соседа взглядом и прощаюсь с мнимым собеседником:

– Si Marco, grazie! Ciao!⁷

Заворачивая, я специально опускаю ладонь на перила, касаясь Ромкиной руки – пусть помнит о моих прикосновениях. Скрываюсь из вида, но, услышав, как хлопает дверь его квартиры, резко торможу и встаю под пролетом, чтобы отдышаться.

Щелчок замка. Фух! Могу выдохнуть. Мои руки и ноги трясутся, а сердце я готова вот-вот выплюнуть от волнения, поэтому делаю глубокий вдох, выдох.

Санта Клеопатра! Так я еще не позорилась. Хорошо, что обула кроссы вместо каблучков, иначе точно исполнила бы полет шмеля и приземлилась прямо на Ромашку.

⁵ Ветчина, мороженое, эмоции (*итал.*).

⁶ Непереводимый набор слов.

⁷ Да, спасибо, Марко! Пока! (*итал.*)

Ленка ржет в трубку. Представляю, как она сейчас катается по полу от моей актерской игры, которая точно тянет на Оскар.

Еле сдерживаюсь, чтобы самой не засмеяться.

Не здесь! У стен есть Ромкины уши.

* * *

Подруга почти час не может успокоиться. Она уже третий раз отжимает тряпку и снова кидает ее в ведро в попытках справиться со смехом.

– Все, хватит заливаться, домыть не успеешь, – бурчу и смотрю на экран. – Мне еще за печенегамы топать.

Договорились с Леной встретиться на перекрестке, ровно в шесть и при параде, как положено.

Она по возрасту как моя сестра: ей девятнадцать, учится на первом курсе педагогического университета. Ленка – будущая учительница младших классов и мой персональный коуч по отношениям. У нее есть взрослый парень, Сашка, поэтому подруга вываливает на меня такие подробности своего распутства, что мне иногда становится стыдно. Но бывает и смешно, потому что Ленка, как и я, – королева факапов. Эта парочка познакомилась на Новый год на студенческой вечеринке, куда Сашка забрел в поисках доступных развлечений. Любовь с первого раза – так называет Ленка свое безрассудство.

Ее парень неделю как устроился охранником в новый и единственный бар нашего поселка. Открытие было меньше месяца назад, за день до моего восемнадцатилетия. Сашка говорил, что хозяин бара какой-то москвич, а управляющий – кто-то из местных. И сегодня в этом баре выступает моя любимая группа «Три дня дождя» – это целое событие для нашего города. Как же я их обожаю!

Сашка проведет нас бесплатно. Будет аншлаг, и если я не возьму автограф... Даже думать не хочу!

– Все, я побежала, – обнимаю подругу и напоминаю, – ровно в шесть.

* * *

Прежде, чем зайти в подъезд, внимательно прислушиваюсь. Позориться дважды я не собираюсь. Вроде тихо. Неслышно взбежав по ступенькам, захожу домой и разуваюсь.

Карина даже не выходит – сидит в зале перед телевизором. Вот такая у нас семья – всем плевать на провалы и удачи друг друга, никакой поддержки.

Беру себе пару печенек, а упаковку кладу на кухонный стол. Захожу в комнату и падаю звездой на разложенный диван. Откусываю печеньку и тщательно жую, глядя в потолок. Равнодушный Ромашечный взгляд меня не отпускает. Неужели в нем ничего не посыпалось? Вон, даже крошки от

печенья падают мне на грудь... Да все сыпятся при виде меня, а этот... черствый сухарь! Может, включить «Рамштайн» на всю катушку? Пусть децибелы напомнят Ромке обо мне.

Хихикаю, представляя, как он в бешенстве стучит по батарее.

Ладно, я сегодня добрая, впрочем, как всегда. Пусть подавится своими крошками, а мои давно склевали голуби.

* * *

Держась друг за друга, чтобы не упасть, мы с Ленкой скользим на каблуках по накатанной дороге к бару. Двухэтажное здание – бывший Дом культуры. Он стоит отдельно от жилого массива в окружении двух парков. Позади здание – неухоженное и заросшее: там доживает свой век большая старая карусель, которая всегда скрипучим голосом умоляет неугомонных подростков оставить ее в покое. Еще есть ржавые качели, на которых в детстве Ромка показывал мне «солнышко», а я в сторонке боялась, что он упадет. И деревянные беседки, куда лучше не заходить, потому что обязательно нарвешься на какой-нибудь сюрприз, прикрытый газеткой.

Боюсь представить, какие еще тайны скрывает этот парк – вечером через него редко кто ходит, и фонари там светят через раз, пугают тенями уставших деревьев. Днем он нужен редким прохожим, чтобы сократить путь к стихийному рын-

ку. Этот парк – тихое место вблизи шумного бара.

А вот спереди здания – вполне себе приличный и ухоженный сквер: с дорожками из брусчатки, клумбами, коваными красивыми фонарями и скамейками, на которых приятно сидеть, – любимое место мамочек с колясками. Подозреваю, эта красота – заслуга новых хозяев.

Еще в детстве я ходила в Дом культуры на продленку и разные кружки: пела в хоре, играла в детской актерской студии. А теперь – это большой бар с необычным названием. Не какая-то там «Березка» или «У Светланы», а «Оле Лукойе». Вполне оригинально.

У входа собралось много людей, ждут, когда откроется. Я смотрю на огромную вывеску: при дневном свете она совсем неприметная, а сейчас – красиво переливается неоном от красного к сиреневому.

Мы пробираемся через очередь и подходим к охране. Сашка при виде Ленки расплывается в улыбке, но тут же делает грозную физиономию по статусу и, под возмущение толпы, пропускает нас вне очереди.

Сразу обдает теплом. Прийти в капроновых колготках и без шапки, чтобы не испортить прическу, – довольно смело. Все-таки у нас еще морозно для нашей весны, но что не сделаешь ради красоты. Мы сдаем пальто в гардероб. Вместо пластмассовых номерков нам клеят бумажные яркие полоски вокруг запястья. Мне достается неоново-желтая, а Ленке – ярко-розовая, как помада на ее губах. И поскольку мы в

числе первых гостей, то и цифры у нас однозначные.

Ощущая восторг и волнение, так как я впервые в этом баре, хватаю подругу под руку и прижимаюсь. Разноцветные лучи в ритме легкой музыки скользят по стенам, полу, барной стойке и рисуют на лицах барменов и на наших цветные полосы. По залу расставлены высокие столики с закусками и табличками брони, а на втором этаже расположены уже обычные с мягкими диванчиками. Напротив барной стойки в другом конце зала – танцпол и сцена с аппаратурой.

Решаем с Леной сесть ближе к симпатичным барменам, которые, улыбаясь нам, натирают стаканы. Одного из них я знаю – это Лешка, друг Никиты. Значит, и он здесь появится. Тоже, наверное, бесплатно проскочит.

Надо не забыть Карине написать.

Люди потихоньку расползаются по залу, занимают свои места, а я залезаю на высокий барный стул. Ленке приспичило в туалет, поэтому остаюсь одна и занимаю соседний стул своей сумкой, бронируя для подруги место. Улыбаясь как сумасшедшая, разглядываю лица гостей – многие мне знакомы. Но в основном здесь взрослая публика, старше двадцати.

Слышу громкий знакомый смех, поворачиваю голову в сторону входа, чтобы убедиться, что у меня не галлюцинация. Это он! Нарисовался Каринкин краш, не сотрешь.

Никита идет с парочкой приятелей и, заметив меня, приближается. Блин! Совсем не хочу с ним говорить после того, как ему отказала. Сейчас он начнет проявлять задетое само-

любие. Точно говорю! Поэтому я достаю из сумки телефон и делаю вид, что не замечаю его.

– Заяц, привет! Что ты тут делаешь?

Он подходит близко и закидывает руку, чтобы обнять, но я уворачиваюсь, чуть не спрыгнув с высоты стула.

– То же, что и ты. Отдыхаю. Не видно? – я натянуто улыбаюсь. – Посмотри внимательно, Никит, – у меня что, длинные уши? – спрашиваю, убирая за них волосы.

Никита улыбается и мотает головой:

– Нет.

– Вот и не надо меня называть: ни заяц, не кошечка, ни медвежонок. Договорились?

– Как скажешь, но мое предложение в силе. Готов за твоими ушками чесать на постоянной основе. Подумай еще раз.

– Чьи-нибудь другие чеши, а от меня отчеши, – советую в шутку.

Он делает шаг еще ближе и, наклонившись, шипит мне на ухо:

– Думаешь, что ты какая-то особенная? Строишь тут из себя недотрогу. Доиграешься...

– Это угроза?

Отпрянув, смотрю в глаза и не понимаю – Никита в шутку, по-дружески или как?

– Нет, – он вскидывает руки, сдаваясь. – Но. Я привык брать свое.

– Только я – не твое, Никит, я уже говорила. Не трать, по-

жалуйста, на меня силы и время, а присмотрись к кому-нибудь другому. К Карине, например.

Никита морщится, будто я предложила ему съесть жабу:
– Она же мне как сестра.

Нормально! А я нет? В чем разница?

Скользнув по мне хищным взглядом, он добавляет:

– Будь аккуратнее, не пей много алкоголя, а то вырядилась...

Он осматривает мое облегающее черное платье чуть выше колен и вьющиеся светлые волосы. От этого взгляда совсем не хочется улыбаться. Я машинально поправляю подол, натягиваю ткань на колени. Удовлетворение на лице Никиты и его довольная ухмылка на губах – парализуют. Он снова приближается и громко шепчет:

– Кто-нибудь пьяный утащит тебя за угол, отымеет как лвицу и снимет все на телефон, – его слова обдают холодом и проносятся мурашками по спине. – И тогда твоя репутация недотроги... пфф! Лопнет, как воздушный шарик.

Сглотнув, плечом отпихиваю его от себя и оглядываюсь на зал в поисках подруги. Мне нужна ее поддержка, но Лена зацепилась языком с Викой, своей одногруппницей.

Не думала, что Никита, друг детства, может мне так угрожать – его в армии контузило? Меня бросает в жар от этой пошлости, щеки горят, но я держусь уверенно.

– Моим родителям это повтори, и своим не забудь! – я делаю вид, что мне плевать на его слова.

Никита усмехается. Нужно Карину убедить, что он ей точно не нужен.

– Ладно, заяц! Захочешь потанцевать, я к твоим услугам.

Он касается пряди моих волос, а я отстраняюсь, даю понять, что его услуги мне не понадобятся. Слава богу, подходит Ленка. Никита вальяжно ее обходит и направляется к лестнице на второй этаж. Там за столиком уже дымят кальян его приятели.

– Что с ним? – спрашивает Ленок, оглядываясь на Никиту. – У него такая злая физиономия.

Вздыхаю:

– Просто в очередной раз дала понять, что ему нужна не я, а Карина.

– И как? Помогло?

Я недовольно кривлю уголок верхней губы.

– Смотри, чтобы я была трезвая, ладно? А то еще одно неприятное событие, и я точно сегодня наклюкаюсь. А мне нельзя, ты же знаешь!

– Я постараюсь, – она кивает. – Кто бы за мной следил... Я вот – точно собираюсь сегодня оторваться как следует, – подруга смеется и смотрит в сторону выхода, где кучкуются охранники. – Хочу, чтоб мой масик немного понервничал, приревновал к кому-нибудь, – она коварно улыбается и подзывает бармена, чтобы обслужил нас, королев.

– Масик? – смеюсь в ответ. – Твой Сашка не масик, а шкафчик с полированной башкой.

– Ну ему же идет? И шкафчик – очень вместительный, – она пальцами намекает на деньги.

Я пишу Карине, что Никита здесь, но тут же прошу на нем не заикливаться. А лучше присмотреться к кому-то более подходящему. Может, его друг Лешка, который бармен? Он – ничего такая партия для сестры. Но Карина про это слышать не хочет и сообщает, что летит на всех парáх. Только макияж поправит и скоро будет.

Глупая!

Как ее отвадить от Никиты? Но она опять ведь подумает, что я у нее парня отбиваю.

Санта Клеопатра! Как сложно быть хорошей.

Лешка ставит перед нами коктейли: мне безалкогольный с лимонным тоником, а подруге «Беллини».

Музыка становится громче, и шум голосов тоже.

Я припадаю губами к соломинке и разворачиваюсь в сторону сцены, иногда поглядывая на вход. Вдруг увижу, как заходит любимая группа? Перепутает случайно главный вход с черным, и солист, сраженный моей красотой, посвятит мне мою любимую песню «Еле дыша».

Размечталась!

Бегло осматриваю людей на верхнем этаже и цепляюсь взглядом за Никиту. Он подмигивает мне и опрокидывает в себя рюмку водки. Я отворачиваюсь. Даже думать не хочу, что он способен осуществить угрозу. Буду стараться с ним вообще не пересекаться.

Ленка толкает меня в плечо:

– Ты что такая кислая? Мы веселиться пришли или жевать лимоны?

Она права. Поэтому я усердно стараюсь казаться беспечной и счастливой.

Неожиданно играет моя любимая старая композиция: Варум и Агутин – «Я буду всегда с тобой».

– Заяц! – голос Никиты, переходящий в свист, прорывается сквозь песню.

Я снова поднимаю на него взгляд, а он расплывается в улыбке. Никита знает, что песня мне нравится и в детстве была на повторе несколько месяцев. Только он даже не догадывается почему, из-за кого я знаю все слова наизусть.

Совсем не улыбаюсь в ответ, а просто опускаю взгляд и потягиваю коктейль из трубочки. Если этот баран не успокоится, мне придется что-то предпринять. Не хочу из-за Никиты пропустить выступление любимой группы.

«Я буду всегда с тобой, воздухом и водой, краешком той земли, что навсегда с тобой...» – подпеваю тонкому голосу певицы.

Воспоминания накрывают с головой. Я будто снова падаю на асфальт и сдираю с локтей корочку засохших ран.

Нет, так дело не пойдет! Так я совсем раскисну.

Дождусь веселой мелодии и пойду танцевать, даже если буду одна на танцполе. Ленка пьет уже второй коктейль, а я слезаю с высокого стула и плавно двигаюсь на месте, чтобы

хоть как-то поднять себе настроение.

* * *

Третий коктейль, и мой мочевого пузыря грозит взорваться. До выступления группы полчаса, поэтому есть время по-быстрому сбегать в туалет. Прошу подругу никуда не уходить, пока не вернусь, а то она уже немного окосела и скулит, что хочет поцеловать своего масика. А тот тоже нервничает, стоит в углу и раздевает ее взглядом.

Подруга обещает, что не сбежит, поэтому беру свою сумку, телефон и спешу в дамскую комнату. В ней тоже аншлаг: огромная очередь, все кабинки заняты. Если сейчас кто-нибудь из них не выйдет, то у меня будет еще один повод опозориться.

Терпеливо жду, нервничаю и слушаю сплетни: наш Ромашка, оказывается, звезда вечеринки – бар его.

Его? Моего Ромки? Ромки, живущего в бараке?

Боже, как это бе-е-е, наблюдать, как у них капают слюни, когда они произносят его имя. И эти разговоры о мечтах с ним переспать, чтобы заарканить богатея. Не выдерживаю и со злости, потому что очень хочу в туалет, вмешиваюсь в разговор:

– Да он же по бабушкам!

Все замолкают и лупят на меня свои глазенки, как будто стали участниками тайной вечера. Даже одна из кабинок

внезапно освобождается.

– Девочки ему не интересны, вы для него – нищие малолетки! – усиливаю эффект и, недолго думая, запрыгиваю в эту свободную кабинку.

– В смысле мы малолетки? – слышу шушуканье за дверцей. – Фигня какая-то, ей-то откуда знать?

– А он мой сосед, я с детства Ромку знаю и с мамой его дружу! – выкрикиваю и, встав, поправляю платье.

Опять тишина. Я довольная, что успела, выхожу из кабинки и подхожу к крану, включаю воду. Они все недоверчиво смотрят на меня, шепчутся и переглядываются.

– Вот прямо вчера мне жаловалась его мама, что любимый и единственный сынок нашел себе какую-то старуху, старше, чем она. Представляете? – смотрю в зеркало на их смешные лица и еле сдерживаюсь, чтобы зловеще не расхохотаться. – А вы думаете, откуда у него этот бар? Посудите сами... живет в бараке. На бар деньги есть, а на квартиру нет? – они зависают надолго, сопоставляют мои показания.

– А может, она и не врет... – оживает одна брюнеточка с рыбьими губами. – Меня он вообще игнорирует. Я к нему и так, и сяк – ноль внимания...

– Вот! А ты красотка, – вру, потому что она на любителя, я бы на такую рыбу не клюнула. – Нашел себе в Москве богатую старушку, оказал услуги интимного характера, и все – бар в кармане.

– Тогда почему никто из местных не знает? – влезает еще

одна неверующая барби.

– Да кто в нашем поселке о таком хвастаться будет? Сразу застебуют.

Прыскаю смехом, а сама умоляю себя заткнуться. За такие слова Ромка бы начислил мне воспитательных лещей.

Не верят.

Ну и хорошо!

Надо уходить. Что я и делаю, даже руки не сушу. Быстро оттуда сбегая. А самой смешно! Радуюсь, что я не такая уж и хорошая, как о себе думаю. Заодно и настроение поднялось.

* * *

Ленка все-таки сбежала к Сашке, пританцовывает возле него, демонстрирует гибкость.

Ну и ладно. Как я и хотела, звучит зажигательная песня, значит, мне пора на танцпол. А то скоро Каринка придет и заставит меня помогать подкатывать к своему Никите. Поднимаю взгляд на второй этаж, но его с друзьями там нет. Наверное, вышел освежиться. Я оставляю сумку на баре, прошу Лешку присмотреть, а сама пробираюсь в центр танцпола.

– Соно Вероника. Мольто пьачере! – на ходу повторяю свою персональную мантру.

Рядом пара девчонок, уже заметно подвыпившие, танцуют, дергаются в конвульсиях. Изящнее надо! Как я. Ловлю ритм и, не обращая на них внимания, плавно двигаюсь, цеп-

ляю со столиков взгляды.

Внезапно кто-то подхватывает меня со спины и кружит.

Никита, дурак! Ну что не понятно?

Удерживая мое брыкающееся тело, он ставит меня на ноги и в мгновение оказывается спереди, улыбается, тупица, во весь рот. Это уже раздражает. Чувствую себя бешеным драконом, но Никита не унимается и снова обхватывает меня, зажав мои руки, поднимает и крепко сжимает тиски, что вырваться невозможно. Наши лица в нескольких сантиметрах друг от друга.

– Отпусти! – рычу, глядя в его мутные глаза.

На нас все смотрят, чувствую взгляды, но этот дурак молчит головой, а потом неожиданно и жадно впивается в губы. Резкий запах спирта и закуски вместе с противным скользким языком в моем рту вызывают приступ тошноты.

Брыкаюсь, пытаюсь вырваться, но он слишком крепко держит, и все, что я могу, – укунить за язык.

Никита вскрикивает и ослабляет хватку. Корчась от боли, он опускает меня на пол. В его взгляде столько злости, а в моем бешенства. Отрезвляю его пощечиной и отталкиваю наглеца от себя.

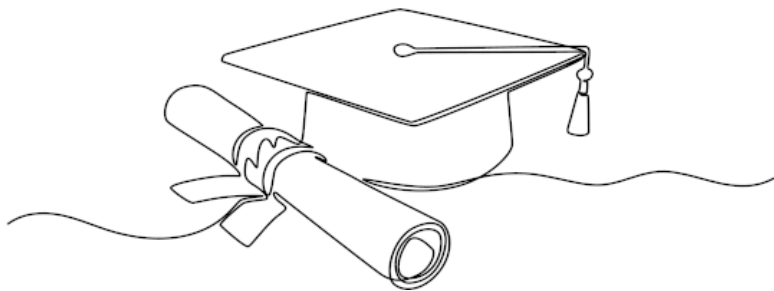
Санта Клеопатра!

Я даже не заметила, что у барной стойки Ромка. Облокотившись, он смотрит, не отрываясь. А на входе... Та-дам! Моя сестра, влюбленная в Никиту. И будь у нее копье, она бы в гневе запустила его мне в грудь, а так лишь молнии свер-

кают из глаз. Спешу к ней, но Карина демонстративно, даже театрально, разворачивается к выходу.

Так глупо и нелепо бывает только в турецких сериалах, которые любит смотреть наша мама. Оборачиваюсь. Никита, прикрывая рот, озирается и следует за мной. Кажется, хочет что-то сделать в отместку, но я эмоционально, почти по-итальянски, выставляю в его сторону ладонь в жесте «стоп». А взгляд мой и гневное выражение лица так и кричат: «Даже не пытайся, придурок! Убью!»

Глава 3

Выбегаю за сестрой на улицу.

– Карина! – кричу, чтобы остановилась, но она быстрым шагом сворачивает за угол бара в сторону черного хода. – Да стой же! – скольжу до нее и хватаю за плечо.

– Как же я тебя ненавижу! – сестра цедит сквозь зубы и поворачивается.

По глазам вижу – она злится больше, чем утром.

– Карина, я тут ни при чем! Он сам... пьяный!

– Вот почему ты такая? – она не слышит меня. – С самого детства все портишь! Сперва родителей у меня забрала, теперь его! – машет в сторону бара.

– В смысле забрала? – имею в виду родителей.

– Любишь к себе внимание привлекать! – у нее глаза на мокром месте. – Лучше бы тебя никогда из детдома не заби-

рали! Ненавижу тебя!

– Ты сейчас злишься, да? Про детдом – это же неправда?!

Но она смотрит, брезгливо скривив губы, как будто хочет что-то сказать, но не решается.

– Неправда? – повторяю, а сама трясусь от холода. Колготки прилипают к ногам.

– А ты думаешь, что тебя в детстве все соседи подкармливали? Печеньки, конфетки! – она шмыгает носом и смотрит с такой ненавистью, словно я – не я, не ее сестра, а самый чужой человек на свете. – Потому что жалели! Потому что ты – жалкая! Жалкая ворона!

Остолбнев от ее заявления, смотрю и впервые не знаю, что ответить. Уверена, она говорит со злости, и все неправда.

– Я – Верона! – дрожащим голосом поправляю, а сама уже не знаю, кто я.

Ледяной ветерок покалывает щеки, увлажняет глаза. Наверное, потекла тушь, и, возможно, Карина уже права – я похожа на ворону.

– Ненавижу тебя! – напоследок она кричит мне в лицо, травит взглядом и, вытерев слезы, убегает прочь.

Холодно, но стою, соображаю, что мне делать. Дышу в ладошки, пытаюсь согреться. Зубы стучат, и тело трясется с такой силой, что с трудом держусь на ногах, чтобы не поскользнуться. Карина растворяется в темноте, а шаги за спиной пробуждают во мне невиданную ранее злость.

Они хрустят все ближе. Рядом пролетает окурок, и, ударя-

ьясь о накатанный снег, уголек отскакивает в сторону. Жмусь и сжимаю замерзшие пальцы в кулаки.

Только Никиты здесь не хватает для полного «счастья». Когда же, если не сейчас, произдваться надо мной? Не желаю его видеть. И чтобы он увидел, как я подавлена. Хочу двинуть ему снова, но уже с такой силой, чтобы встать не смог.

– Ну, давай, что ты там хотел? – дрожа от гнева или холода, выплевываю каждое слово. – Отодрать меня, как львицу?! – говорю специально громко, чтобы точно услышал.

Когда чувствую, что Никита уже за спиной, я резко разворачиваюсь, занося в ударе кулак.

– По-твоему, мне этого сейчас не хватает?! – кричу и бью со всей силы в грудь.

Пошатнувшись, он ловко ловит второй кулак ладонью, что приводит меня в большее бешенство, и мне хочется выть от бессилия.

Глаза слезятся. Не могу понять, кто передо мной. Всматриваюсь.

Это не джемпер Никиты, а чья-то светлая рубашка под черным пиджаком.

Поднимаю взгляд.

Ромка.

Насупившись, он смотрит мне в глаза и крепко сжимает кулак своей горячей ладонью:

– На львицу ты сейчас не очень похожа, – он делает попытку улыбнуться. – Скорее на замерзшего сфинкса. – Ром-

ка отпускает мою руку и быстро снимает пиджак. – На, накинй, а то заболеешь!

Он протягивает его с какой-то жалостью во взгляде.

– Ты все слышал, да? – ищу в его глазах то самое равнодушие.

– Нет. Только то, что ты Верона, но это я и так знаю.

Ромка пытается накинуть пиджак мне на плечи, но я отстраняюсь, препятствую жесту внезапной доброй воли, а у самой зубы не сходятся. Не нужна мне его жалость! Ни его, ни чья-либо еще!

– Зачем ты вообще вернулся? – брезгливо морщусь и смотрю с презрением в глаза.

Отталкиваю его, хочу уйти за сумкой и пальто, сбежать куда-нибудь подальше, но от резкого движения нога предательски скользит на ребро.

Хруст.

Каблук сворачивается на бок, и лодыжку пронзает резкой болью. Вскрикнув, заваливаюсь назад.

Санта Клеопатра!

Ну почему я такая неуклюжая, постоянно падаю на него? Ромка успевает поймать. Как всегда, как в детстве.

Теперь точно все! Вечер испорчен.

Окончательно!

Совсем!

Отдаленно слышу, как люди визгом приветствуют мою любимую группу. Но я не там, а здесь: на холоде, в объятиях

того, кого презираю последние семь лет.

И это последняя капля.

Вжимаюсь ему в грудь лицом, и меня разрывает плачем от собственной никчемности. Ромка быстрыми движениями накидывает пиджак мне на плечи и кутает, но это совсем не греет.

– Пойдем! Тебе надо в тепло.

Трусь влажным носом об него и отстраняюсь, мотаю головой.

Его пиджак на мне, как пальто. Маленькое черное пальто.

– Куда я в таком виде? – шмыгая, стараюсь смотреть не на него, а на сломанный каблук, который торчит, повернутый набекрень.

Носком ботильона касаюсь земли, чтобы хоть как-то держать равновесие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.